

Сафаралиев Низами Эседуллаевич, Загиров Велибек Мирзабекович

**СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ
В ТАБАСАРАНСКОМ И КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья представляет собой попытку подвергнуть характеристике словоизменительные и структурные особенности грамматического класса, одной из ведущих категорий языков лезгинской группы, в сопоставлении с родом в русском языке. Категория класса, функционируя в сфере формальной морфологии как категория согласуемых частей речи, в табасаранском языке является наипростейшей и испытывает процесс постепенного затухания, в то время как в русском языке, как и в других славянских языках, наблюдается сохранение и усложнение трехродовой системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 166-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.251.32

Статья представляет собой попытку подвергнуть характеристике словоизменительные и структурные особенности грамматического класса, одной из ведущих категорий языков лезгинской группы, в сопоставлении с родом в русском языке. Категория класса, функционируя в сфере формальной морфологии как категория согласуемых частей речи, в табасаранском языке является наипростейшей и испытывает процесс постепенного затухания, в то время как в русском языке, как и в других славянских языках, наблюдается сохранение и усложнение трёхродовой системы.

Ключевые слова и фразы: категория грамматического класса; родовая классификация; табасаранский язык; класс человека; класс вещи; именная классификация.

Сафаралиев Низами Эседуллаевич, к. филол. н.

Загиров Велибек Мирзабекович, д. филол. н., профессор

*Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики имени А. А. Тахо-Годи, г. Махачкала
nsafaraliev@yandex.ru*

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ТАБАСАРАНСКОМ И КАТЕГОРИИ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лингвистическая типология, как известно, позволяет вести сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними. В этом аспекте возрастающий интерес продолжают вызывать и исследования, предпринимаемые в условиях многоязычного Дагестана, где процесс заимствования русизмов начался давно, а в последнее время более интенсифицировался и в лингвистическом, и в экстралингвистическом отношениях. В данной статье предпринимается попытка вкратце проанализировать категорию класса в табасаранском, относящемся к иберийско-кавказским языкам, и категорию рода в русском, относящемся к восточно-славянским языкам.

Категория класса в табасаранском языке является одной из сложных и многоплановых. С этой категорией, как с одной из древнейших в грамматике, теснейшим образом связаны многие вопросы функционально-структурного строя и в других иберийско-кавказских языках. И не случайно, что рассматриваемая проблема стала предметом специального обсуждения на Седьмой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков [1].

Несмотря на имеющиеся исследования, в которых освещается категория грамматического класса в табасаранском языке (Л. И. Жирков [2], А. А. Магометов [6], В. М. Загиров [3; 4], К. К. Курбанов [5], К. Т. Шалбузов [8]), вопрос в целом до сих пор остается проблемным, а его исследование – актуальным. Необходимость более детального и подробного его изучения диктуется тем обстоятельством, что данная категория, некогда пронизывавшая всю грамматическую систему иберийско-кавказских языков, смыкается с формой и словообразованием различных частей речи. Рассматривается она и как коммуникативное средство со своими социальными функциями и сферой употребления.

Общеизвестно, что во многих языках мира имена интегрируются в определённые группы (семьи) на основе того или иного принципа. В морфологическом строе, например, русского языка выделяется грамматическая категория «род», свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или их форм по двум или трем классам с признаками биологического пола или их отсутствием. Эти грамматические классы принято называть мужской, женский, средний род (можно сказать, что слова среднего рода, в сущности, стоят в оппозиции мужскому и женскому родам, т.е. в континентном, семантическом плане они нейтральны в отношении рода как грамматической категории). Семантические основания родовой классификации в русском языке более размыты, чем в именных классах в табасаранском языке. В русском языке лишь в незначительной части существительных можно видеть отражение реальных половых различий (*отец – мать, брат – сестра, утка – селезень, буйвол – буйволица*). Здесь категория рода неразрывно сплелась с категорией одушевленности/неодушевленности, образовав единую категорию согласовательных классов. Это является свидетельством того, что в русском языке наблюдается не только сохранение, но и усложнение трёхродовой системы, как, впрочем, в славянских языках в целом. Вместе с тем трёхродовая система трактуется как результат трансформации более древней двухклассной системы. При этом можно полагать, что род развился из оппозиции одушевленность – неодушевленность или же из оппозиции активность – пассивность. Стало быть, на стадии активной типологии русский язык должен был иметь двухклассную систему активных и неактивных имён, которая, чередуя признак одушевленности – неодушевленности впоследствии перешла в родовую.

В родственных дагестанских языках аналогичную роль играет категория именных классов, в которой, в отличие от грамматического рода, существуют иные принципы древней классификации предметов и явлений. В частности, в системе табасаранского языка взят принцип группирования имен по личности вещи, на основе чего в нем выделяются два класса:

- 1) *первый именной класс* – «класс человека, личности»;
- 2) *второй именной класс* – «класс вещи, не-человека, не-личности».

Объяснение такой классификации в табасаранском языке, как и в других восточно-кавказских языках, мы находим в самом принципе разделения всех явлений, предметов и животных на «активные» и «пассивные». В такую классификацию включаются, с одной стороны, животные с ярко выраженной индивидуальностью, могучие стихии природы и всё то, что первобытное мышление принимало за стихийные силы, с другой – такие животные, с которыми человек имел дело не в одиночку, а как со скоплением вредных ему веществ, отсюда и все то, что представлялось силой лишь в виде агрегата, коллектива. По всей вероятности, такова была классификация, первоначально положенная в основу деления слов на классы в восточно-кавказских языках. Однако время спутало эти отношения, и в настоящем своем виде мы во всех языках, где только эта классификация сохранилась, находим уже много с трудом объяснимых или даже пока совсем необъяснимых отнесений отдельных слов к тому или иному классу.

Вместе с тем вследствие деформации, редукции бывлой четырехклассной системы, которую можно рассматривать в качестве исходной, общезелзгинской, в современном табасаранском языке принцип «активность – пассивность» уже утрачен, а ведущим стал принцип «разумность – неразумность», который и реализуется как критерий дифференциации субстантивов на два лексико-грамматических класса, охватывающих теперь всю морфологическую и синтаксическую системы языка. В то же время категория грамматических классов, как и категория рода, является формой именной классификации. А именная классификация в виде класса в табасаранском языке, в первую очередь, проявляется как раз в делении имен существительных на те две группы (разряда), которые в лингвистической литературе квалифицируются как именные или грамматические классы. В этом плане понятия «именной класс», «грамматический класс», «грамматический род» являются «однопорядковыми сущностями», что не подлежит сомнению и в отношении табасаранского языка. Объектом группировки в нем также выступают имена существительные, отвечающие на вопросы: *фу:жэ?* «кто?», *фу?* *фйир?* «что?».

Между тем А. С. Чикобава [7, с. 3] считает, что эти понятия («грамматический класс имён» и «именной класс») друг друга не покрывают, поскольку именные классы могут быть выделены не только по признаку грамматическому (морфологическому), но и по признаку семантическому (контенсивному). Думается, однако, что оба эти подхода не только не противоречат, но в какой-то степени и дополняют друг друга.

Таким образом, в современном табасаранском языке именные классы дифференцируются и как категория семантическая, и как категория грамматическая. Такая бинарность данной категории в языке определена, прежде всего, её способностью функционировать не только в сфере формальной морфологии в виде грамматической категории согласуемых частей речи – глаголов, числительных, местоимений, отчасти и прилагательных, но и в сфере семантической в качестве наиболее фундаментального признака именной лексики. Для категории грамматических классов в табасаранском языке характерны также и синтаксические особенности. Более того, все три классификации (семантическая, морфологическая и синтаксическая) одновременно и взаимосвязаны.

В этом отношении форманты грамматических классов устанавливают связь между субъектом и предикатом при интранзитивном глаголе-сказуемом (в числе и лице) и между объектом и предикатом при транзитивном глаголе-сказуемом (в классе, лице и числе). При помощи классных формантов определяется также и соотношенность числительных, местоимений, частично прилагательных с тем или иным существительным. Однако в самом имени существительном классная принадлежность распознается не морфологическими признаками, а путем постановки вопросов *фу:жэ?* «кто?», который относится к людям, и *фу?* «что?» – ко всем остальным. В этом случае «категория личности» и «категория вещи» имеют только контенсивное выражение.

В основе семантических различий лежит критерий дихотомической оппозиции – противопоставления личности и неличности, т.е. «принцип оценки», обозначающий, что «людям» противопоставлено все как «предметы, вещи». В морфологическом же плане подобная оппозиция характеризуется и соответствующими классными экспонентами (*д-*, *р-* для I гр. кл., *б-* для II гр. кл.). Бинарная система грамматических классов, противопоставление категории личности (кто?) и вещи (что?), является фундаментальной для иберийско-кавказских языков. Однако бинарная система табасаранского языка не имеет ничего общего с исходной бинарной системой, поскольку в табасаранском она возникла в результате упрощения трехклассной так же, как трехклассная – в результате упрощения четырехклассной.

Исходя из своеобразных признаков, проявляющихся в каждой отдельно взятой классификации, все три аспекта – семантический, морфологический и синтаксический – правомерно было бы рассматривать самостоятельно, независимо друг от друга. Однако есть факторы, осложняющие данное положение: это, во-первых, существующая между ними нерасторжимая корреляционная связь и, во-вторых, тесные взаимоотношения, которые измеряются тем, что ведущие принципы именной классификации целиком и полностью базируются на возможностях, которыми располагают для этого части речи, представляющие данную категорию. Ввиду этого к рассматриваемому вопросу мы подходим с двух точек зрения: с точки зрения семантической и с точки зрения грамматической. Анализ именных классов в дихотомическом аспекте нам видится вполне реальным еще и потому, что категория класса в упомянутых частях речи проявляет себя и как словообразовательное средство через функционирование классных экспонентов в качестве деривационных аффиксов, и как способ системной организации словарного состава табасаранского языка.

Очевидно, что становление именной категории класса в табасаранском языке связано с глубокой древностью, что она прошла длительный путь эволюционного развития и создала чрезвычайно оригинальную формально-контенсивную классную систему. Естественно, на протяжении весьма длительного процесса совершенствования языка исходные принципы системной организации его лексики не могли не претерпеть глубоких изменений.

В результате трансформирования рассматриваемой лексико-грамматической категории современный табасаранский язык теперь занимает промежуточное положение между языком, имеющим классную категорию (даргинский), и языками, не имеющими её (агульский, лезгинский). В табасаранском, в отличие от других дагестанских языков, в которых присутствуют трех- и четырехклассные системы (даргинский, аварский, лакский), совпали классы мужчин и женщин в один класс, который называется классом людей и которому противопоставлен другой, включающий в себя все остальные предметы и явления. Табасаранский язык, в котором ныне прослеживается процесс постепенного затухания данной категории, пошел еще дальше в упрощении классной системы: объединил множественное число всех слов с первым именным классом – с классом разумных существ, людей. В связи с наблюдаемым процессом распада данной категории следует отметить, что табасаранская система грамматических классов ныне является наипростейшей среди всех горских языков Дагестана (и не только), сохранивших подобные классификации как действующие.

Пожалуй, все упомянутые типы языков, квалифицируемые нами по степени интенсивности проявления в них категории грамматических классов, выражают основные ступени развития иберийско-кавказских языков в целом.

Сферой функционирования именных классов на континентальном уровне являются денотаты, в которых классная принадлежность распознается лишь семантически. Сущность семантического принципа относительно табасаранского языка заключается в том, что каждое новое имя существительное включается в тот грамматический класс, к которому относятся существительные, близкие ему по значению, по родовой, видовой, типовой классификации. Согласно этому принципу классная дифференциация на континентальном уровне в современном табасаранском языке осуществляется не только по единственному числу, но и по множественному при помощи вопросов *фужар?* «кто?» (кл. чел.), *фйир?* «что?» (кл. вещи):

ед. число (I класс – человека)	ед. число (II класс – вещи)
фуж? «кто?»	фу? «что?»
аба «отец»	аслан «лев»
дада «мать»	йиц «бык»
чи «сестра»	кьалам «карандаш»
мн. число (I класс – человека)	мн. число (II класс – вещи)
фужар? «кто?»	фйир? «что?»
абйир «отцы»	асланар «львы»
бабар «матери»	йицар «быки»
чйир «сестры»	кьалмар «карандаши»

По семасиологическому принципу осуществляется и дифференциация имён, обозначающих мифологических существ. Например, в класс разумных включаются *Аллагъ* «Бог», *Пайгъамбар* «Пророк», *Малаик* «ангел», *Гьюри – Пери* «гурия», отвечающие на вопрос *фуж?* «кто?», а в класс неразумных – *иблис* «сатана, дьявол, черт», *кафтар* «оборотень», которые отвечают на вопрос *фу?* «что?».

Надо сказать, что в табасаранском языке круг имен существительных, относящихся к классу человека, личности, уже, чем круг имен, которые включаются в класс вещи.

Различные исследователи по-разному пытались определить те внутренние процессы, которые регулируют в целом динамику развития рассматриваемой именной категории в табасаранском языке.

В специальной лингвистической литературе в той или иной мере анализируются также и вопросы, посвященные как формальной типологии, ориентированной только на план выражения, так и континентальной, ориентированной на семантические категории и способы их выражения.

Список источников

1. **Вопросы категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках: Седьмая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (16-18 ноября 1977 года): тезисы докладов.** Сухуми: Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР; Сухумский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, 1977. 72 с.
2. **Жирков Л. И.** Табасаранский язык. М. – Л., 1948. 164 с.
3. **Загиров В. М.** К специфике категории грамматических классов табасаранского языка // Вопросы категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках: Седьмая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (16-18 ноября 1977 года): тезисы докладов. Сухуми: Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР; Сухумский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, 1977. С. 55-56.
4. **Загиров В. М.** Категория класса и развитие лексической системы лезгинских языков // Вопросы морфологии русского и дагестанских языков: межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала: Даг. ун-т, 1988. С. 118-122.
5. **Курбанов К. К.** Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1995. 230 с.
6. **Магометов А. А.** Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 398 с.
7. **Чикобава А. С.** Грамматические классы в истории картвельских языков и этимология классных показателей // Вопросы категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках: Седьмая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (16-18 ноября 1977 года): тезисы докладов. Сухуми: Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР; Сухумский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, 1977. С. 3-7.
8. **Шалбузов К. Т.** Категория грамматических классов в табасаранском языке // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1964. Вып. XII. С. 46-60.

**INFLECTIONAL AND STRUCTURAL CHARACTERISTIC OF GRAMMATICAL CLASSES
IN TABASARAN AND CATEGORIES OF GENDER IN RUSSIAN**

Safaraliev Nizami Esedullaevich, Ph. D. in Philology
Zagirov Velibek Mirzabekovich, Doctor in Philology, Professor
Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A. A. Takho-Godi, Makhachkala
nsafaraliev@yandex.ru

The article is an attempt to characterize the inflectional and structural features of the grammatical class, one of the leading categories of the languages of the Lezgin group, in comparison with gender in the Russian language. The class category, functioning in the sphere of formal morphology as a category of the compliant parts of speech, is the simplest in the Tabasaran language and undergoes the process of gradual decay, while in the Russian language, as in other Slavic languages, three-gender system is preserved and complicated.

Key words and phrases: category of grammatical class; gender classification; the Tabasaran language; class of person; class of thing; nominal classification.

УДК 81'373.6

До сегодняшнего дня этимология слова 'салдау' в татарском языке, которому в русском соответствует 'сандоль' «острога, трезубец», не была предметом специального исследования. В данной статье сделана попытка дать этимологический анализ данной лексеме, для чего представлены доступные источники, в которых она зафиксирована, семантическое поле, фонетические параллели из родственных и неродственных языков.

Ключевые слова и фразы: татарский язык; этимология; салдау; сандоль; названия колющего оружия.

Сафаров Ринат Тагирович, к. филол. н.
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
safar.rinat@yandex.ru

К ЭТИМОЛОГИИ ТАТАРСКОГО САЛДАУ, РУССКОГО САНДОЛЬ

Одним из самых распространенных типов боевой экипировки, который использовали как малоимущие, так и состоятельные воины Средневековья, было древковое колющее оружие в виде копья вместе со всеми его модификациями. Механизм действия такого оружия заключался в нанесении колотых ран противнику. Различные типы копий у разных народов обладали уникальной формой наконечника и носили определенное название. В русском языке отдельные виды древкового колющего оружия представлены такими названиями как копьё, пика, рогатина, трезубец, ухват, вилы, острога и др. Татары также были знакомы с несколькими видами копий. В письменных источниках зафиксированы *сөңге*, *аю сөңгесе*, *жыба* (*чыда*, *чидә*, *жидә*), *нәйзә* (*найза*), *салдау*, *сөйре* (*сөйрек*) [16, б. 12], *чәнечке*, *сәнәк* и др.

Из представленного ряда более активным в употреблении в современном татарском языке является *сөңге* [сөңгә] 'копьё, пика'. Остальные отличаются от *сөңге* либо своей конструкцией, либо функционально и находясь в пассивном словарном запасе: *жыба* 'дротик', *салдау* 'длинная пика' [2, б. 93]; персидское заимствование *нәйзә*, по мнению А. Тимергалина, – 'копье с несколькими зубьями, каждый зубец которого снабжен зазубринами' [16, б. 12]; редакторы, готовившие к изданию дастан «Идегей», истолковывают *нәйзә* аналогично. Однако материал из других тюркских языков данную интерпретацию не подтверждает: практически во всех мусульманско-тюркских языках *нәйзә* – то же, что и *сөңге*. Арабское заимствование *мизрак*, как правило, использовалось в устаревшей книжной речи в значении 'копье, пика'. Такие колющие орудия труда и быта, как *аю сөңгесе* 'двурогое копье (букв. «медвежье копье）」, *сөйре*, *чәнечке* 'острога', а также *сәнәк* 'вилы', в случае необходимости применялись несостоятельными ополченцами в качестве боевого оружия.

В данной статье будет предпринят этимологический анализ татарской лексемы *салдау*, русской *сандоль*.

В современных нормативных словарях татарского языка слово *салдау* не зафиксировано. В диалектной лексике данная единица бытует в турбаслинском говоре в значении 'пика, которой вонзают в плавающую в воде рыбу' [15, б. 558]. З. Р. Садыкова указывает на использование анализируемой лексемы в пермском говоре татарского языка и приводит пример: *төннә балық чирақларға йөрибиз салдау белән чәнечек* 'ночью, вонзая салдавом, ходим рыбу ловить' [12, с. 86]. Исследователь лексики рыболовства татарского языка О. Н. Бяжикова, ссылаясь на З. Р. Садыкову, истолковывает *салдау* как 'орудие в виде копья, используемое для ловли крупных рыб, оказавшихся в мелководных местах реки', и полагает, что татары были знакомы с этим орудием лова [5, с. 52]. Данная лексема рассматривается в трудах Р. Г. Ахметьянова [1, б. 169; 2, б. 93], зафиксирована в словаре А. Тимергалина [10, б. 391].

Слово *салдау* встречается в родственных и неродственных языках: тат. *салдау*, башк. *һалдау*, *һалтау*, *һандау* [3, б. 371, 372]; каз. *салдау*, узб. *солдов*, туркм. *салдав*, к.-калп. *салдау*, мар. *салда*, *салдау* [8, с. 42];